

11003007
МІНІСТЕРСТВО ОСВІТИ І НАУКИ УКРАЇНИ

НАЦІОНАЛЬНИЙ ПЕДАГОГІЧНИЙ УНІВЕРСИТЕТ
імені М.П. ДРАГОМАНОВА

СИСТЕМА І СТРУКТУРА

СХІДНОСЛОВ'ЯНСЬКИХ МОВ:

ПАМ'ЯТІ АКАДЕМІКА Л.А. БУЛАХОВСЬКОГО

Збірник наукових праць

НАЦІОНАЛЬНА
ПАРЛАМЕНТСЬКА
БІБЛІОТЕКА
УКРАЇНИ

КИЇВ
ЗНАННЯ УКРАЇНИ
2006

Обов'язковий примірник

29086882
115
115
115

Редакційна колегія:

В.І. Гончаров, канд. філол. наук, професор (відповідальний редактор);
А.М. Григораш, канд. філол. наук, доцент (відповідальний секретар);
М.Я. Брицин, докт. філол. наук, професор;
Л.П. Іванова, докт. філол. наук, професор;
Ф.О. Нікітіна, докт. філол. наук, професор;
Н.І. Озерова, докт. філол. наук, професор;
М.Я. Плющ, докт. філол. наук, професор;
О.О. Тараненко, докт. філол. наук, професор;
Л.С. Віннічук, канд. педагог. наук, доцент;
О.І. Дашенко, канд. філол. наук, доцент;
М.П. Дворжецька, канд. філол. наук, професор;
Т.І. Плужнікова, канд. філол. наук, доцент;
Т.В. Слободянюк, канд. філол. наук, доцент;
М.М. Тягунова, канд. філол. наук, доцент;
Н.В. Хруцька, канд. філол. наук, доцент.

Рецензенти:

Н.Л. Іваницька, докт. філол. наук, професор;
Є.А. Карпіловська, докт. філол. наук;
Т.Ю. Ковалевська, докт. філол. наук;
Л.М. Полюга, докт. філол. наук, професор;
О.А. Сербенська, докт. філол. наук, професор.

С40 Система і структура східнослов'янських мов: Пам'яті академіка Л.А. Булаховського: Зб. наук. праць (Редкол.: В.І. Гончаров (відп. ред.) та ін. — К.: Знання України, 2006. — 316 с. Бібліогр. в кінці ст. — Укр., рос.
ISBN 966-7201-26-0

У збірнику вміщено наукові праці докторантів, аспірантів, професорсько-викладацького складу мовознавчих кафедр Національного педагогічного університету ім. М.П. Драгоманова та інших вузів України з актуальних проблем східнослов'янського мовознавства. Тематика статей охоплює питання граматичної будови і лексичного складу східнослов'янських мов, етимології і словотвору, історії і взаємодії мов, культурології і стилістики. Об'єктом лінгвістичного аналізу виступають структурні одиниці різних рівнів мовної системи. У полі зору мовознавців питання фонетики, морфології, синтаксису, лексикології, термінології та лексикографії.

Для викладачів, аспірантів, студентів філологічних факультетів, учителів української та російської мов середніх шкіл та гімназій.

ББК 81.2я43

ISBN 966-7201-26-0

© Національний педагогічний університет
імені М.П. Драгоманова, 2006
© Автори статей, 2006

12. Ермоленко С.Я., Бирик С.П., Тодор О.Г. Українська мова: Короткий тлумачний словник лінгвістичних термінів/За ред. С.Я. Ермоленко. — К.: Либідь, 2001. — 224 с.
13. Жирмунский В.М. Теория литературы. Стилистика. Поэтика. — Л.: Наука, 1977. — 404 с.
14. Калашник В.С. Особливості слововживання в поетичній мові: Навч. посібник. — Харків: ХДУ, 1985. — 68 с.
15. Кинцак А.М. Актуализация метафорических эпитетов в англоязычной поэзии. Автореф. дис... канд. филол. наук. — К., 1987. — 24 с.
16. Коцюбинська М.Х. Література як мистецтво слова. — К.: Наук.думка, 1965. — 314 с.
17. Кузьменко В.І. Словник літературознавчих термінів. — К.: Укр. письменник, 1997. — 230 с.
18. Лесик В.В. Аналіз тропів// Література в школі, 1961. — № 4. — С. 18-31.
19. Літературознавчий словник-довідник /Р.Т. Гром'як, Ю.І. Ковалів та ін. — К.: ВЦ «Академія», 1997. — 752 с.
20. Моренець В.В. Стилістично-образні функції означень у мові творів Т.Г.Шевченка // Українська мова і література в школі. — 1961. — № 2. — С. 37-43.
21. Озеров Лев Ода епитету. Из цикла «Письма о поэзии» // Вопросы лит., 1972. — № 4. — С.135-163.
22. Оноприенко Т.Н. Эпитет: Семантика и структура (на материале английской тропики). Автореф.дис...доктора филол. наук. — Житомир: Полиграфика, 1997. — 48 с.
23. Потенбня А.А. Теоретическая поэтика. — М.: Высш.шк., 1990. — 341 с.
24. Пустовіт Л.О. Епітет у поезії В. Сосюри. — Культура слова. — 1975. — Вип. 9. — С. 8-13.
25. Сидоренко О.М. Епітет у поетичній мові О.Олеса (семантика і функції). — Дис... канд. філол. наук. — К., 1994.
26. Сидяченко Н.Г. Функционально-стилистическая, семантическая и формальная структура эпитета (на материале романа М. Стельмаха «Чотири броди»). — Автореф. дис... канд. филол. наук. — К., 1991. — 17 с.
27. Словник епітетів української мови / Уклад.: С.П. Бирик, С.Я. Ермоленко, Л.О. Пустовіт. — К.: Довіра, 1998.
28. Сологуб Н.М. Цвіт художнього слова О. Гончара. — Мовознавство, 1988 — № 3. — С. 21-26.
29. Сорокин В.Н. Теория литературы. — М., 1960.
30. Ставицька Л.О. Про характер взаємодії категорії індивідуально-поетичного стилю і літературної мови. // Мовознавство. — К., 1986. — № 4. — С. 61-65.
31. Стефурак Р.І. Асоціативно-образний потенціал внутрішньої форми слова у поетичному тексті (на матеріалі української поезії 60-90-х рр. ХХ ст.) — Дис...канд.філол.наук. — К., 2004. — 204 с.
32. Рильський М.Т. Поэтика Шевченка. АН УРСР. — К., 1961- 45 с.
33. Рожило Л.П. Эпитет в украинской поэзии. Автореф. дис...канд.филол.наук. — Львов, 1962 — 18 с.
34. Томашевский Б.В. Стилистика. — 2-е изд. — Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1983. — с. 187-227.
35. Турсунова Л.В. К проблеме классификации эпитетов // Сб. научн. трудов МГПИЯ им. Торгеза. — 1974. — Вып.75. — С. 67-89.
36. Українська мова: Енциклопедія. — К.: Укр.енцикл., 2000. — 752 с.
37. Шаховський С. Огонь в одежі слова. Питання майстерності і стилю поезії Т. Шевченка. — К., 1964.
38. Шутова Л.І. Епітет в українській поезії 20-30-х рр. ХХ ст.-Автореф.дис...канд.філол.наук. — К., 2003. — 17 с.

О.Ю. Побережная

ОСОБЕННОСТИ ЛИНГВОКРЕАТИВНОСТИ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ МУЖЧИНЫ И ЖЕНЩИНЫ В ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

На современном этапе развития лингвистического знания исследователи приходят к осознанию того, что язык не может быть понят и объяснен вне связи с его создателем и пользователем. Именно поэтому все больше внимания уделяется проблеме изучения языковой личности в различных ее проявлениях. Особенности языковой личности обусловлены ее психофизио-логиче-

скими, социальными, культурными параметрами, которые влияют на выбор той или иной языковой формы, их варьирование, на речевую деятельность в целом. Поэтому в основе изучения языковой личности лежат различные аспекты ее рассмотрения: социальный [4], возрастной [2], национальный [3] и т.п.

Однако практически не исследованным, но значимым компонентом языковой личности является ее гендерный аспект. С этой точки зрения нам представляется важным всестороннее рассмотрение языковой личности, включающее в себя не только изучение лексических, грамматических и дискурсивных особенностей ее речевой деятельности, но и возможность самовыражения языковой личности, своеобразие ее лингвокреативного мышления.

Цель нашей статьи — рассмотреть специфику проявления лингвокреативности языковой личности в зависимости от ее гендерной принадлежности и направленности мышления¹.

Материалом исследования послужили переводы текстов с английского языка на русский, осуществленные представителями мужского и женского пола с определенной направленностью мышления.

Лингвокреативность мужской и женской языковой личности в процессе переводческой речевой деятельности проявляется в особенностях передачи с языка оригинала на язык перевода метафорических оборотов (выраженных фразеологизмами и различными идиоматическими выражениями), лингвокультурных лакун, эпитетов и языковой игры. При этом представители разных полов (в зависимости от направленности мышления) предпочитают использовать различные переводческие приемы для передачи одних и тех же выразительных средств.

В нашей статье мы затрагиваем возможность самовыражения языковой личности, проявления ее лингвокреативности в таком лингвистическом феномене, как языковая игра.

В научных трудах языковая игра в общем виде понимается как «соотношение языкового стереотипа (стандарта) и намеренного (осознанного) отклонения от этого стандарта в речевом поведении личности» [3, с. 27]. Языковая игра подразумевает тот факт, что стандартные модели употребления единиц, зафиксированные в языке, способны творчески реализовываться в речи, и предстает как особая форма лингвокреативного мышления, являясь результатом запрограммированного нарушения языковой схемы и осознанного отклонения от языковой нормы с целью достижения определенного эстетического эффекта.[1].

В целях выявления специфики решения нестандартных лингвистических задач при переводе языковой игры мужской и женской языковыми личностями (с определенной направленностью мышления) мы обратились к отрывку из произведения мастера языковой игры, английского писателя Л. Кэрролла.

Операциональные механизмы языковой игры определяются как «лингвистические приемы, или их совокупность, обеспечивающие привлечение внимания к определенному аспекту формы и / или содержания знака в экспериментальных условиях реализации диапазона его вариативности» [1, с. 58]. Эффект языковой игры определяется включением слова в ассоциативный контекст, вызывающий деавтоматизацию² знака, основанную на преднамерен-

¹ Направленность мышления может быть маскулинной (типично мужской), фемининной (типично женской) или андрогинной (сочетать в себе одновременно мужское и женское). Данная особенность языковой личности была выявлена благодаря «Тесту для определения характера мышления» [5].

² Деавтоматизация — запрограммированное отклонение от стереотипа восприятия, образования и использования языковых единиц [1, с.8].

ной ломке, разрушении ассоциативного потенциала слова. Трансформация ассоциативного кода может иметь место как на уровне формального ассоциативного кода (внешние, материальные ассоциации), так и на уровне семантизированного ассоциативного кода (семантические ассоциации, ассоциации внутренней формы слова и т. д.) [1].

Нами был выбран отрывок из произведения Л. Кэрролла 'Alice's adventure in Wonderland' («Алиса в Стране Чудес»), который включает в себя механизмы языковой игры, осуществляющиеся как на уровне формального, так и на уровне семантизированного ассоциативного кода.

Определенного рода эффект языковой игры достигается Л. Кэрроллом с помощью изменения морфодеривационной структуры слова, в частности, благодаря различным способам словообразования. Присоединяя к обычным лексемам типичные для английского языка аффиксы, Л. Кэрролл добивается необычного результата. Чаще всего выбор автором того или иного аффикса происходит по аналогии с уже существующей в языке лексемой, образованной по принципу аффиксации, что позволяет Л. Кэрроллу создать эффект языковой игры. Так, в выбранном нами отрывке, он использует следующий операциональный механизм языковой игры. Присоединив к прилагательному «white» (белый) окончание — ing, Л. Кэрролл создает лексему «whiting» (мел для побелки) по аналогии с «blacking» (вакса), образованного от прилагательного «black» (черный). Поскольку в английском языке уже существует слово «whiting» со значением «рыба семейства тресковых», Л. Кэрроллу предоставляется возможность обыграть двойное значение этого слова: «Boots and shoes under the sea are done with whiting». При этом им обыгрывается уже не только форма, но и содержание слова, обладающего многозначностью. Использование полисемии является одним из самых распространенных операциональных механизмов языковой игры Л. Кэрролла, употребление многозначности позволяет ему строить языковую игру на дифференцированном восприятии лексемы или любой другой единицы участниками диалога.

Предоставленный информантам текст для перевода включал в себя деавтоматизацию языковых единиц, основанную на формальном и содержательном уровне трансформации кода.

При анализе переводов данного отрывка было обнаружено, что в целом представительницы женского пола (независимо от направленности их мышления) большее внимание уделяют механизмам языковой игры на формальном уровне трансформации языковых единиц, тогда как представители мужского пола стараются передать языковую игру на содержательном уровне. При переводе мужчины пытаются сохранить содержание оригинала, что приводит иногда к утрате самой языковой игры в переводном тексте. Тогда как женщины, концентрируя свое внимание на формальном обыгрывании, в некоторых случаях отдаляются от оригинального текста.

При переводе языковой игры в представленном отрывке большинство женщин с женским складом ума и женщин с андрогинной направленностью мышления компенсируют словообразовательный прием обыгрывания слов и использование полисемии Л. Кэрролла приемом интерпретации одного явления с помощью другого в рамках омофонического тождества. Они обыгрывают различные значения слова «whiting», используя такой переводческий прием, как конкретизация («whiting» — «рыба семейства тресковых»: «линь», «налим», «судак» и т. п., при этом в данном значении сема «семейство тресковых» не была актуализирована). Например, «Раньше я не знала о линях так много. ... Ты знаешь, почему они называются линями? Я никогда об

этом не задумывалась, — сказала Алиса. Почему? Они линяют. Линяют! — повторила она изумленным голосом. — А что? Все линяют. ... Разве ты не линяешь? ... Иногда у меня бывает лень, но не линь. В океане линька бывает у всех, — продолжал Грифон убедительным тоном... ».

«Ты знаешь, почему налим называется налимом?... Потому что налим наливает молоко»; «Ты знаешь, почему их называют судаками?... Потому что они постоянно судачат о судах.».

При рассмотрении переводов, выполненных женщинами с женским складом ума и женщинами с андрогинной направленностью мышления, была также выявлена тенденция передачи механизмов языковой игры, приближенных к оригиналу, однако эта передача, как и в предыдущем случае, происходила через обыгрывание омофонии слов. В данном случае женщины с женским складом ума и женщины с андрогинной направленностью мышления пытаются, по возможности, передать полисемию искомого английского слова. Например, «— Ты знаешь, почему они называются белугами? ...Они отбеливают ботинки и туфли».

Сосредоточивая свое внимание на формальной стороне языкового знака, женщины с женским складом ума и женщины с андрогинной направленностью мышления используют графические средства языка, при этом изменяя внешнюю форму слова с целью создания его новой внутренней формы и возможности ее обыгрывания. Например, «— Знаешь, почему эту рыбу называют мелрагом? ... — Обитатели моря, — продолжал Гриф таинственно, — обувь чистят мелом».

Фокусировка внимания на формальной стороне слова приводит к использованию такого механизма языковой игры, как рифма, основанной на переводческом приеме транскрипции, и созданию, таким образом, нового слова. Например, «— Ну, да, а чем же смазаны твои туфли? ... — Я думала, они смазаны блэком. — Под водой, — продолжал Грифон глубоким голосом, — туфли мажут хеком»..

Таким образом, следует отметить, что женщины с женским складом ума и женщины с андрогинной направленностью мышления предпочитают использовать при переводе языковой игры механизмы обыгрывания формальной стороны языкового знака, такие как, омонимия, рифма и графические приемы.

Женщины с мужским складом ума при переводе языковой игры обращают внимание на обыгрывание формы, однако не придают ей такого значения, как женщины с женским складом ума и женщины с андрогинной направленностью мышления. Они в значительной степени стараются сфокусировать свое внимание на передаче полисемии слова «whiting» и используют антонимическое противопоставление языковых знаков. Например, «— Ты знаешь, почему их называют мерлангами?... — Потому что их используют для обуви, — важно заметил Грифон. ... Алиса посмотрела на свои туфли и, немного подумав, ответила: Я их кремлю черным кремом. Грифон продолжил глубоким голосом: В море кремят обувь мелом. Теперь ты знаешь».

Женщины с мужским складом ума при передаче языковой игры стараются придерживаться исходного текста, сохраняя использованное Л. Кэрроллом антонимическое обыгрывание, вместе с тем не упускают из виду формальную сторону языкового знака.

При анализе переводов, выполненных представителями мужского пола, было обнаружено, что мужчины с типично мужским складом ума и мужчины с андрогинной направленностью мышления большое значение придают обыгрыванию языковых единиц на содержательном уровне, следуя при этом

тексту оригинала. Они пытаются передать полисемию искомого английского слова путем создания новых понятий в русском языке, комбинируя уже известные слова в новые словосочетания. При этом для мужчин с мужским складом ума и мужчин с андрогинной направленностью мышления значимым является концентрирование внимания на цветовом аспекте, но без обыгрывания антонимического противопоставления, имеющегося в оригинале. Например, «— Я никогда раньше не знала про рыбку-белянку... — Ты знаешь, почему она так называется?... — Она делает обувь белой. — ... — Я думаю, все дело в ваксе. — Ну а вот под водой цвет обуви придает рыбка-белянка, — загадочно произнес Грифон, — теперь ты знаешь».

«— Ты знаешь, почему его называют меловой рыбой?... — А чем обработаны твои туфли? — Я имею в виду, что делает их такими блестящими? — Они обработаны ваксой, наверное. — Ботинки и туфли в подводном мире, — Гриф продолжал серьезным тоном, — обработаны меловой рыбой. Теперь ты знаешь».

«— Я никогда раньше не знала так много о мерланге... — Ты знаешь, почему его называют белящей рыбой? ... — Он чистит ботинки и туфли. ... — Ботинки и туфли в подводном мире, — Гриф продолжал серьезным тоном, — обработаны мерлангом (белящей рыбой). Теперь ты знаешь».

Концентрация на передаче содержательной стороны языковых знаков и желание приблизиться к тексту оригинала приводит мужчин с мужским складом ума и мужчин с андрогинной направленностью мышления в большинстве случаев к утрате самой языковой игры.

Мужчины с женским складом ума при отражении языковой игры в переводном тексте старались передать содержание языковых единиц оригинала, в частности, антонимическое противопоставление лексем «whiting» и «blacking», предпочитая при этом использование приема грамматической замены существительного глаголом. Они также обратили внимание на формальную сторону языковых знаков исходного текста. Однако в переводе, выполненном представителями мужского пола с женским складом ума, многозначность слова «whiting» не была отражена, что привело к утрате языковой игры. Например, «— Почему они так блестят? ... — Я полагаю, их чернили. — Ботинки и туфли под водой, — продолжал Грифон серьезным голосом, — белили. — Теперь ты знаешь».

Таким образом, можно констатировать факт различного проявления лингвокреативности мужской и женской языковых личностей. Женщины с женским складом ума и женщины с андрогинной направленностью мышления при передаче языковой игры в тексте перевода фокусируют свое внимание на уровне формального ассоциативного кода. Тогда как женщины с мужским складом ума, помимо формальной, стараются отразить и семантическую сторону языкового знака, приближаясь при этом, как и представители мужского пола, к тексту оригинала. Однако следует отметить, что представительницам женского пола, независимо от направленности их мышления, удалось воспроизвести языковую игру в тексте перевода. Данный факт может свидетельствовать о высокой степени лингвокреативности женской языковой личности в целом и, предположительно, связан с психофизиологическими особенностями строения головного мозга женщин, у которых связь между гемисферами достаточно сильна, а речевые зоны находятся в обоих полушариях. При этом сходство с мужским видением языковой игры в переводном тексте женщин с мужской направленностью мышления, возможно, объясняется некоторым иным их строением мозга, более приближенным к мужскому (вследствие

воздействия андрогенов на начальной стадии развития эмбриона, а также влияния некоторых социокультурных факторов).

Представителям мужского пола, в большинстве случаев, не удалось сохранить эффект языковой игры в переводном тексте. При переводе данного лингвистического феномена они концентрируют свое внимание на семантической стороне языковых единиц и стараются придерживаться исходного текста. Данная стратегия перевода языковой игры чаще всего приводит к ее устранению в переводном тексте. Однако в тех случаях, когда происходили попытки ее передачи, это осуществлялось не за счет обыгрывания и поиска возможных комбинаций уже известных языковых знаков (как это происходило у представительниц женского пола), а за счет создания новых слов и словосочетаний. Данная специфика языковой личности мужчины может быть связана с такой его психофизиологической особенностью, как поиск новых неординарных решений поставленных задач, способностью отказываться от стереотипных методов осуществления цели.

Таким образом, в общем, результаты исследования свидетельствуют о меньшей степени лингвокреативности мужской языковой личности (независимо от направленности мышления) по сравнению с женской, тем самым подтверждая факт существования гендерных различий в самовыражении языковой личности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гридина Т.А. Языковая игра: стереотип и творчество. — Екатеринбург, 1996.
2. Гусева Л.П. Номинативно-прагматические свойства высказываний со значением самоутверждения в речи детей и подростков (на материале современной англоязычной художественной прозы): Автореф. дис. канд. филол. наук. — К., 1987.
3. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. — М., 1987.
4. Петренко В.Ф. Основы психосемантики. — Смоленск, 1997.
5. Пиз А., Пиз Б. Язык взаимоотношений. Мужчина женщина. — М., 2000.
6. Carroll L. *Alice's Adventures in Wonderland & Through the Looking-Glass*, Hertfordshire, 2001

Т.М. Полякова

УКРАИНСКИЙ ЛИНГВОКОМПОНЕНТ КАК СРЕДСТВО ВОССОЗДАНИЯ УКРАИНСКОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ В РУССКОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ (на материале произведений В.Г. Короленко)

Русский писатель и публицист Владимир Галактионович Короленко (1853-1921) принадлежит к числу тех немногих, но ярких мастеров пера, родившихся в Украине, имеющих украинские корни и оригинально представляющих в своем творческом наследии симбиоз украинской и русской культур.

Известные общественные деятели не менее известного, революционного, периода истории аллегорически отмечали, что «колыбель Короленко стояла по соседству с волшебной страной Гоголя» [1, IV]. События детских и юношеских лет (писатель родился в Житомире, в семье уездного судьи, происходившего из старинного рода украинских казаков, многие годы провел на живописной Волыни, учился в г. Ровно, говорил на польском и украинском языках, любил украинские сказки и стихи Т.Г.Шевченко) дали В.Г. Короленко богатый материал для многих его произведений («Лес шумит», «Судный день», «В дурном обществе», «Парадокс», «Слепой музыкант», «История моего современника» и др.).

Продолжая и развивая литературные традиции великого Гоголя, В.Г. Короленко создал свой живописный, многогранный и цельный образ родного края. Описание сказочно-волшебной Украины особенно удалось писателю